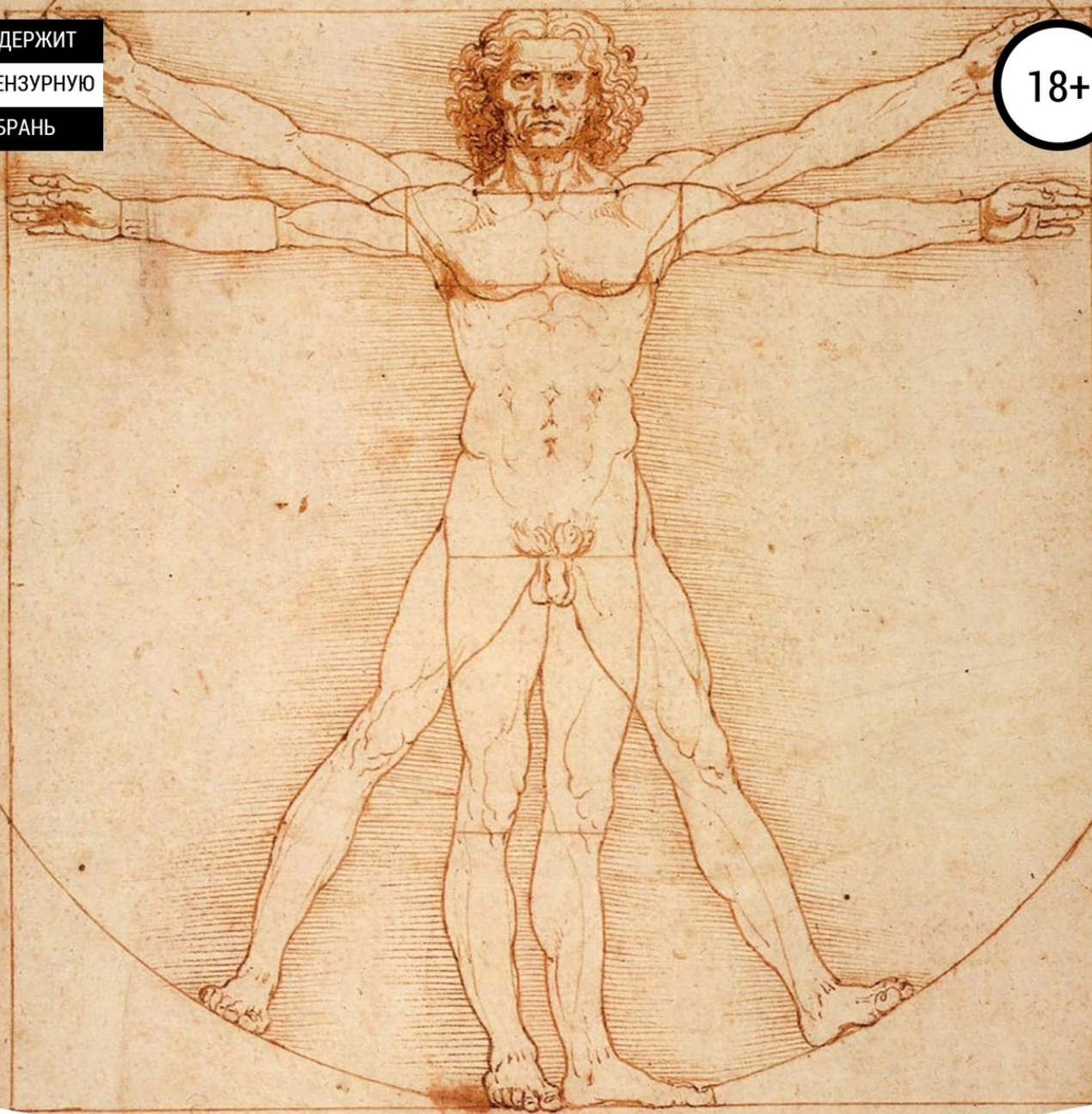

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Константин Покровский

ИСХОД

Константин Покровский

Исход

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Покровский К. А.

Исход / К. А. Покровский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В книге собраны истории людей, проживающих в Алтайском селе в 90-х, начале 2000-х годов. Потрясения после распада страны, жажда обогатиться, любовь и внутренняя борьба наследников этого нелегкого периода открывают читателю необычные судьбы героев произведения, которые переплетаются и неизбежно приводят к душевному опустошению и очищению. Эта книга будет интересна кому только предстоит начать самостоятельный путь и тем, кто прекрасно помнит это время. Кто не понаслышке знаком со вкусом ошибок. Но мы же прекрасно знаем, что всегда есть выход. Главное, чтобы любимый человек по-настоящему был рядом. Узнайте как, проживая скандальную жизнь или свою, как чужую, запутавшись, главные герои - простые сельчане - Александр и Екатерина, отказываются от прежней жизни, взлетами или победами, стыдом или печалью она не была. Решение быть вместе дается долго и сложно, но дарит надежду на то, о чем они истосковались, чего так просит душа любого человека. Содержит нецензурную брань.

© Покровский К. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Любые совпадения с реальными людьми случайны

Часть первая

Всякая жизнь мерится простыми привычными делителями – днями, следующими друг за другом равномерным строем, отлистывающими наши мечты, наше прошлое, отпустили мы его или продолжаем ещё жить им. У каждого есть своё небо со своими созвездиями случившихся или только отметившихся в каком-нибудь завтра – радостей, глупостей, потерь и побед.

Одна надежда сменяется другой, разжигая в душах стремление продолжаться, воля и принуждая тратиться на новые терзания. И не сломать в её новом начале непокорное ничему упрямство – во что бы то ни стало – надеяться! не оглядываясь и не сомневаясь! Надежда превращает сердца в самый мощный двигатель, работающий на вере, топливе проверенном, дорогим и неисчерпаемом. Она же и безжалостно их рвёт... ведь задумайся: порой было бы проще и спокойней, отступи она – надежда – разуверься и останешься цел!

Не может человек живой и идущий, так опустошиться, чтобы совсем не глядеть вперёд, не всмотреться в собственную душу честно, без лукавства и скидок. Только так начинается очищение. Только перерождённый собственной цензурой способен осознать всякую правду и всякий смысл. И тогда наступает способность, оглядевшись, видеть гораздо дальше, глубже...

Чем меньше вопросов, тем меньше заполняешься бесконечным потоком слов, претендующих на статус информации, обретшей какую-либо ценность, и чудо, если такое ещё сочтётся верным ответом. И, надо признать, как сильно засела подобная немота в успокоившихся головах. Но как быть живому, обнаружившему рубеж? Остановиться или шаг за шагом преодолеть этот переход?

Однажды такое случится и придётся пройти кругами. Каждого ждёт своя пустыня, в которой нужно оказаться, чтобы обнулиться, наполниться верой и начаться снова. Всё что после – зависит только от себя самого.

1

Дорога к школе пролегла по деревянному мосту. Всегда мутная вода, в зависимости от времени года, меняла только оттенки глинистого цвета и свою глубину. Река становилась предметом обсуждения, когда шёл ледоход и цвела верба, по готовности собирать детвору на мелях, в сезон рыбалки или если кто-то тонул.

Овраги и обрывистые берега пересекали Волочиху только один раз. Никто не потрудился пофантазировать и назвать отрезанную часть посёлка как-то по-особенному. Всем привычно было говорить о людях, живущих на той стороне реки – просто «заречные». А вот к заречным относились уже несколько иначе, чем к остальным. Заречные всегда злили сельчан: заготовка дров их будто не беспокоила, скот пасли отдельно от общих стад, к нашумевшим проблемам волочихинцев они относились почти с презрением, осуждая и считая всё суетой. И вообще на всё у них всегда была своя точка зрения, отличная от мнения «тех» – в противовес. «Чего они там выдумывают? Работать надо, в землю смотреть, а то грызутся, как собаки».

Взаимная «любовь» разноречных, а в горстке заречных было не более тридцати семей, выражалась во всем: «живут не так, высокомерные, всегда как будто знают больше других, поучают учёных... а пьют не меньше, не знает что ли никто? всегда у них готово всё раньше или лучше, чем у остальных, а что не в одни и те же дни дожди идут или сено косят? Выделяются просто, зла на них нет. И добра никому не делают, в сельских делах не участвуют, а как делёж сенокосов так горло готовы вырвать!».

Разделила река народ, не желая им этой скрытой и не вражды какой, а всё больше зависимости друг в друге: смотреть с обеих берегов, соревноваться во всём, испарять на ветер нака-

лётное негодование на что придётся: на себя, погоду, на власти, жизнь, в конце концов. Да и река здесь не причём. Текла себе испокон веков; кто её помнит, когда она здесь пролегла в трещинах и морщинах алтайской земли? Насели люди сами и, не умея по-другому, уместились жить по таким правилам. Сами их придумали, сами им и следовали. Простые правила, беззлобные по природе своей, ведь никто собирался закидывать другого камнями... Повелось как повелось, как кругом, как везде.

Разные времена проживало село вдоль этой речки, теряясь в бесконечных степях, то оглядываясь на другие, похожие на него деревушки, то забываясь в сельском труде и хватаясь за погоду, как пчела в медосбор. Порой хватало по-скорому пересудить кой-что: так – по делу, да по сезону и – по дворам. Ведь что ждёт человек в нашей деревне? Если не лезет никто, так только погоды и здоровья. Не ломать бы этих нехитрых устоев, так не получится оторваться совсем: есть реки гораздо большие той, что село развела, не видно их, да крепко людей поделить могут и жизнь пересекают так, что и свести в одно не каждый возьмётся предположить: как это исполнить возможно.

Дорога к школе лежала через мост. Почти каждый день Кате приходилось переходить с берега на берег и радоваться, наконец, появлению чего-то нового после наскучившего за зиму пейзажа.

Тополиная аллея поблёскивала свежими листиками и её засидевшиеся великаны собирались снова спрятать от степного безлесья пыльный проезд к коротким улочкам. Девочке нравилось проходить рядом с тяжелеющими зелёными рукавами, длинный ряд которых выводил одной стороной к цветущим полям, другой направлял всякого в центр села.

Берег плавно спускался к деревянным доскам переправы, из года в год настилаемым друг на друга и всё равно открывающим местами сквозные дыры, в которые просматривалось спокойное течение не воды даже, а чего-то другого: утверждения своего существования, права на постоянное движение в нужном направлении. В школе рассказывали, что река их добегаёт до самой Оби и, значит, воды эти есть в настоящих больших морях.

Близ моста пестрили тонкие стрекозы с сигнальными, крашенными на концах в тёмно-синий цвет, крыльями. Река скапливала пойманные на мгновения бесчисленные отражения солнца, секла их о прутья ив, не успевающих от такого соседства нарастить узкие, как перья, листья, пыталась безуспешно вытолкнуть эти стёклышки на пологий в этом месте берег или просто била об раскисшие обвалы. За шумящими воронками образовывались маленькие заводи, пушилась грязная пена и обязательно, если присмотреться, стояли мальки непонятной рыбы.

На другом берегу встречала посыпанная гравием дорога и уводила наверх, открывая вид на сельскую школу, дома, магазины... Строчили, каждые на своём, птицы; в огородах поднимался бурьян и картошка. Некоторые хозяева, пользуясь преимуществом расположения дворов, выставляли на лужайках широкие короба с цыплятами, выводили на привязи бычков, оставляли как хотели машины, тележки, складировали, как удобно, навоз и мусор.

На улице Катя быстро забывала происходящее в её семье, разглядывала детей, спешащих на уроки и не особо вспоминала о подготовке домашних заданий. Потрудиться приходилось только когда возникала угроза отставания или становилось действительно стыдно.

Весь вчерашний вечер она прогуляла на улице, не желая снова встречаться с матерью. Тетя Лида говорила, что той опять нужно полежать, имея ввиду душевную болезнь старшей сестры, а дочь была уверена, что вся проблема в беспробудном пьянстве. Когда и где начиналось и заканчивалось то или другое – было уже не понять. Катя была рада, когда из её маленькой семьи она оставалась дома одна и по какой причине так случалось было всё равно. Её

больше беспокоило: что можно одеть, как посмотрит тётя Лида, если она придёт к ним покушать и как избежать неудобного общения со сверстниками, чтобы не чувствовать стыда.

Этим утром Катя собиралась в школу дольше обычного. В соседней комнате слышался храп и девочка, не боясь шуметь, перебрала имеющийся гардероб, забывшись от лёгкого волнения и переживания незнакомого, но приятно накатившего чувства: кто-то рано утром оставил на пороге в трёхлитровой стеклянной банке букет полевых цветов! Высоченный, по самый пояс, многослойный куст, пестривший яркими пятнами, удивил девушку. Решая: ошиблись домом или нет, она предпочла остановиться на последнем и для сохранности неожиданного подарка отнесла его за огород, в укромное местечко среди старых яблонь и малины. До школы оставалось время и можно было успеть рассказать о случившемся тёте Лиде.

– Здравствуйте, тётя Лид! – поприветствовала Катя худую, темноволосую и редко улыбающуюся женщину.

– Заходи, – ответила та, указывая на стол. Хозяйка дома ушла во двор и вернулась с тёплым молоком. Подвигая ранней гостье оставшийся с прошлого вечера кусок картофельного пирога, тётя Лида слушала рассказ о цветочном приключении племянницы с лицом равнодушным, не отвлекаясь от процеживаний, мытья, кормления кота.

– Мать дома? Не болеет? – спросила она механически, не глядя на девчонку.

– Не знаю во сколько пришла. Спит. – вздохнувши ответила племянница, поглядывая на парящий у плиты казанок. Только сейчас она поняла, что всё это время и особенно, когда она рассказывала свою историю, сердце её колотилось не так как обычно. Безразличие тётки Катю совершенно не смутило. Она сидела с отстранённой улыбкой, забыв про еду и проживая никогда до этого не посещающие, непривычные мысли: «моё сердце», «оно стучит...». Это странное, нескладное открытие увлекало её сейчас не меньше чем цветочный подарок.

– Ну, беги. Глупости всё это... Скоро мои встанут, кормить надо. – пробубнила тётя, закидывая полотенце на плечо и заглядывая в соседнюю комнату.

– Хорошо. Спасибо, тётя Лид! – улыбаясь ответила Катя и выбежала из дома.

Следующее утро началось с возгласов матери по поводу «травы» на крылечке. Сразу перед дверью, взрываясь молодой ромашкой, стояла туго набитая банка. Катя, взвизгнув от радости, подняла цветы и понесла себе в комнату, проведя там не меньше часа.

Бывая теперь на улице, она всякий раз вглядывалась по сторонам, надеясь найти ответ на вопрос «кто?». За последние несколько дней девушка получила пять таких подарков. Уже не было сомнений, что это – для неё. Таинственный ухажёр был неуловим и постоянен. Приходил ночью, так как вставала Катя караулить ранними утрами, а потом оказывалось, что новый букет уже стоит на своём месте. Значит, заготавливался ещё с вечера, а доставлялся не с улицы, как она думала, а со стороны огородов, где обязательно пришлось бы прокрадываться под окнами. Догадавшись каким путём пользуется неизвестный, избраннице пришлось придумывать как побыстрее вытащить мать из своей комнаты, чтобы из удачно расположенного окна увидеть его.

Собираясь на занятия, Катя обдумывала вариант с уборкой в материнской комнате, который не очень нравился, но уже давно кислыми запахами напрашивался сам собой; тщательно укладывала волосы, подбирая чем их лучше закрепить. В итоге пришлось собрать в привычный, только более аккуратный русский хвост, пропустив его через почти новую резинку чёрного цвета с крупными стразами.

Комната была заставлена цветами. На подоконнике копились разные насекомые, некоторые из которых уже свернули лапки. Первые букеты пора было выбросить, но Катя решила дать им ещё один денёк.

Крутясь перед небольшим настенным зеркалом, девушка перебирала вещи. С гардеробом дела обстояли хуже, чем с причёской. Выбор не просто был невелик: к концу учебного года, как выяснилось теперь, всё заметно поизносилось. Собрав лучшее, Катя обнаружила ещё досаду: оба платья «на выход» не подходят, она из них выросла. Оставался комплект из повседневной школьной одежды: пара юбок, кофточек, да бежевая блуза. Посчитав, что блузка и юбка более выигрышны, через некоторое время она бежала на уроки. Сбитые после перемерок волосы пришлось поправлять на ходу.

За несколько дней школьное время превратилось в поиски в потенциальных ухажерах какого-нибудь намёка, задержавшегося взгляда... Катя старательно вслушивалась во все разговоры, попеременно побывала во всех ученических компаниях, даже где её сроду не ждали, смотрели недоумённо, а то и попросту прогоняли. Но никто себя не выдавал.

Последний урок классная оставила для информации о практике, заданиях на лето, ремонте класса, а также о родительских взносах и списке должников по ним, из которого фамилия Кати не выходила уже который раз подряд. Дождавшись кое-как звонка, раскрасневшись от стыда, она выбежала из класса и поспешила домой.

У самой реки, уже почти подойдя к мосту, Кате показалось, что кусты молодого ивняка пошатнулись. Решив, что это какое-то животное, она поспешила перейти на ту сторону. Пройдя половину моста, девушка вдруг увидела на горбатых перилах ярко-жёлтый веночек из одуванчиков. «Ах!», – обрадовалась Катя и обернулась назад. «Эй!» – окликнула она, всматриваясь в заросли. Несколько мальчишек спускались к реке, швыряя в неё камешки. Больше никого. Веночек оказался таким большим, что его можно было повесить на шею и почти сразу рассыпался в руках. Тот, кто его плёл, похоже, делал это впервые.

2

Виктор не мог жить без реки. Проводя большую часть времени на вдоль-и-поперёк исхоженных берегах, он, может быть, был самым счастливым человеком в своём селе. Почти не разговаривал, всегда появлялся на людях по делу. Высоченная долговязая фигура сразу выдавала Виктора на деревенских улицах. Очень удобный слабоумный: не мешает, не спорит и приносит пользу. Его даже приспособили пастухом и платили. Односельчане настолько привыкли к такому Вите, что при встрече не говорили с ним или обходились общими «здарава» – не оглядывая его, или «как живёшь» – за просто так или ещё «по чём отдашь», если тот чего-то нёс продавать. Ничем больше разговор не продолжали: какой смысл, если ответа всё равно не будет? Разве что дед Ефрем, душа которого простиралась гораздо дальше границ бывшего колхоза, всех больше интересовался делами, здоровьем Виктора и совсем при этом не нуждался в ответах, за него обычно отвечал сам. Деньги же за принесённый улов отдавал всегда, делился снастями.

Жил Виктор в самой крайней избушке от моста, доставшейся ему от родной бабки. Маленький домик уже не был «заречным», но и не начинал эту часть села, стоял обособленно, огородом упёршись в прибрежные заросли.

Как он вёл хозяйство, заготавливал дрова или уголь не известно. Но печь растопить, постирать себе мог самостоятельно. Были дальние родственники и среди них двоюродный брат, опека которого облегчала жизнь Вите. Там и одежда, и лекарства, продукты какие... Как-то Вите подарили стареющую лошадь, на которой он потом и пас небольшое стадо коров.

В доме Виктора было две комнаты. В одной стояла печь, стол с малочисленной железной посудой, умывальник, старый сундук и все его вещи: сапоги, фуфайка с бушлатом и кроличья шапка-ушанка. В другой стояла железная кровать с провалившейся сеткой, на которой он не спал, предпочтя пол, где устроил лежак из перинового наследия бабки. Кровать была завалена вяленой рыбой, сушёными грибами, ягодой, как и всё другое оставшееся свободным место.

В одном углу, тесно прижатые друг к другу, стояли всевозможные орудия труда: лопата, бур, складные удилица (к тем же – два из бамбука), куски проволоки, коробочки, пакеты, свёртки со всякой мелочью. На стенах висели тонкие струны, собранные кольцами, готовые силки, капканы разного размера, плетёный бич, истёртое седло, сбруи в узлах, и много ещё чего найдённого, выменянного, отданного. С потолка спускалась пара сердитых лампочек, светивших изредка плотным желтоватым светом для двух горячих рук, плетущих по вечерам новые снасти.

В парадном углу комнаты, служившей то кухней, то мастерской, ещё при прежней хозяйке устроен был Святой Образ, на который Виктор никогда не обращал внимания, как на предмет, не нашедший в его жизни практического применения. Как и остальные углы тесной избы, этот – особый иконостасный – был сильно занят многолетней паутиной, забит высохшими мухами и с каждым годом всё больше пропадал из виду, сливаясь с чернеющими, давно не белеными бревенчатыми стенами.

Ещё с утра было понятно, что установившееся тепло уступает непогоде. К вечеру по небу потянулись синие тучи и видно было, что над дальними полями они уже свалились в кучу, проливаясь дождями. По улицам понёсся ветер, сбивая неокрепшие ветви деревьев на потемневшую землю.

Надвигающийся дождь нисколько не останавливал Виктора. Он подчинился новому делу также усердно, как любому другому. Нужно было сходить на ту сторону реки, ближе к роще. Прижимая, не помещавшуюся в высоте потолка голову, Витя нашарил на веранде мешок и отправился за реку.

– Витя, здорова! Ты куда? Скоро дождь, промокнешь! – встретил его дед Ефрем, кативший в тележке, запряжённой гнедым мереном. – Иди помоги лучше кирпичи погрузить! Витя! – кричал дед.

Виктор, не останавливая ход, проводил его взглядом и несколькими широченными шагами перескочил мост. Старик ещё чего-то выкрикивал, но его не было слышно: с одной стороны мешал расшумевшийся ветер, с другой – стук молотков из разбираемого селом торгового центра. «Да что ж ты так ругаешься!» – выпустил в сторону дед Ефрем, шипя на ветер, опять обернулся на мост: Виктора уже не было видно.

3

Наладившийся дождь не мог помешать начавшемуся веселью. Двое братьев Мыковых, плотненьких и задиристых, рано лысеющий Серёга, вечно расхаживающий в кожаном потёртом плаще и тонкой шапочке, Санька из цыган и Толя шумели в дальнем углу торгового центра.

Соорудив из оторванных от барной стойки реек что-то вроде стола и лавок, компания выпивала и вспоминала пьяные выходки Сергея, который пару лет назад пыхал новогодними фейерверками в потолок. Тогда в торговом комплексе, в первую и последнюю зиму, организовали дискотеки, на которых о своём присутствии весельчак оставил след чёрно-копчёными пятнами на потолке.

Шум продолжался до глубокой ночи. Толпа разошлась, предварительно разбив Сергею губу и выдрав клочок на его плаще. Толян к тому времени уже спал, завалившись за одну из колонн, где, измучившись от холода, очнулся только под утро. Пошатавшись по зданию, Толя вывалился на улицу.

Ему ещё не было тридцати. Роста он был не высокого, но довольно крепкого телосложения. Весь его образ для многих в деревне сводился к широкой, постоянно сидевшей на лице улыбке, обозначающей для впервые его встретивших выражение не совсем понятное, близкое,

быть может, к застенчивости. Однообразная мимика и предоброе лицо подсказывали довольно скоро – в чём дело.

Появлялся Толя повсюду и всегда непонятно откуда. Ничего не делал, не интересовался ничем. Несоразмерно большие ладони носил в растянутых карманах и почти их оттуда не вынимал. Верхнюю одежду ни за что не застёгивал. Нараспашку, спрятав руки в потёртых брюках, показывая широкий армейский со звездой ремень, натянув на самую маковку скрученную рулетиком шапочку, зажав в зубах сигарету или спичку – Толик выходил к людям.

Спотыкаясь о битое стекло и обломки кирпичей, рассыпанных с торца здания, он направился в сторону ближайших домов. Собаки, разбуженные шумом, затаили надоедливый лай то замолкая, то снова начиная эту беду по разным уголкам села.

– А-а! А-а-а! – ревел Толя, донимая собак, ругаясь матом на каждую новую партию. Зацепившись за забор крайнего дома, он остановился и заметил высокую фигуру, двигавшуюся к берегу. Нужно было скорее догнать её.

Ускользящий силуэт никак не откликнулся и не хотел ждать. Наоборот, припустив шаг, почти бегом двигался в сторону моста. Толя, хрипя прокуренными легкими, запыхавшись, старался нагнать убегающего. На мосту погоня прервалась. Скопившийся туман совсем отрезал обоим и Толян остановился, сплёвывая под ноги мокроту, выпрыгивавшую из груди. Улёгшись на отсыревшие доски, он достал несколько горстей воды, похлебал, потёр лицо, высморкался и, полежав так, поднялся на «заречное».

4

Накануне вечером, оставленная дождём в своей комнате, Катя терпела непрекращающийся зов матери. Новое увлечение вязать крючком отвлекало от многого и призвано было раскрасить её жизнь. Кружок в лето не работал, в школе оставили целые мешки разной пряжи, недовязанных кусков и полезных для ремесла вещей. Один мешок и коробку к нему руководительница кружка отдала Кате насовсем и девочка теперь по картинкам и схемам пыталась себе что-нибудь связать. Принесённое прятала от матери под кроватью, опасаясь, что та может забрать, увидев что-то годное на вынос. «Что тебе?» – ответила раздраженно Катя, не желая продолжения материнских приставаний.

– Доченька, отправь меня куда-нибудь, – прозвучало тут же стонущим голосом, уговаривающе, прижалобно, от чего делалось совсем противно.

– В каком смысле «отправь»?

– Надоела я тебе. Я себе надоела. Никакой пользы от меня. Я не хочу жить. Ты скоро вырастишь, бросишь меня. – минуту обе молчали. – Куда я потом? Кому я буду нужна? – затянула она прихныкивая.

– Так ты о себе печёшься! Отправляйся куда хочешь!

– Нет, доча, не кричи на меня. Помоги мне. Я тебе не буду мешать.

– Как ты мне надоела! – резко закончила Катя и запнула свою работу обратно под койку. Она была сильно недовольна получавшимся рисунком, дорожки плясали, разбивая ряды, к тому же на целую вещь одинаковых нитей не хватало, а что делать из кусков она ещё не сообразила.

– Вот и я говорю. Отправь! Отправь! И не помру никак... – мать принялась за старую песню.

Через некоторое время, послышались поскуливания, переходящие в дурное, воющее пение. Катя расплакалась. «О, Боже!» – не выдержав, она выскочила на улицу.

На дворе было уже темно. Девочка стояла долго, совсем без мыслей, глядя в темноту. Озябнув, она вернулась обратно в дом. В комнате матери было тихо. Катюша легла в свою

кровать, но так и не уснула. Навертевшись и устав от слез, она сидела, обняв колени и ждала утра.

Еле уловимый посторонний шум с улицы заставил прийти в себя и прислушаться. На улице, с обратной стороны дома Катя слышала шаги, которые приблизившись к стене, затихли. Быстро соскочив с кровати, набросив кофточку, она, стараясь вести себя как можно тише, пробралась в переднюю. Намокшая ночнушка неприятным холодком прижималась к телу. Девочка боялась пошевелиться. Через щели дощатых стен в ещё почти ночную темноту веранды проглядывался синеватый дымок раннего утра. Кто-то затаился за стенкой и не двигался.

Катя первая сделала несколько шагов и очутилась на крыльце. Человек не показывался. Оставались какие-то метра три! Сделать несколько шагов и – посмотреть! Почему он не выходит?

Неожиданно, напугав себя саму, Катя громко чихнула. Несколько секунд прошли в полной тишине. Затем она увидела выходящего к ней человека.

– Это... ты?! – почти шёпотом произнесла Катя. – Это ты...

Виктор сделал несколько размашистых движений, поставил букет с цветами на привычное место и, не глядя на Катю, скрылся за тем же углом.

Таившаяся в изгибах реки, уголках оврагов, ещё не выхваченная до конца из природы прохлада, столь долго собиравшаяся в сибирскую зиму, выстуженные после дождей ночи сбивали под утро не успевшую подняться влагу, наполняя заречные пейзажи рыхлыми туманами. Они не такие, как по осени, когда назревшие, сбитые едва ли уступают урожаю мелких ранток, что так и кажется: подгибаются, насторожившись под их тяжестью, погрубевшие листья. Затягивает туман пейзажи, сколь дотянется, сколь время отпущено до просветляющих первых золотых лучей, освободительных для всякого взора...

Пришлось этот непостоянный стряпной на такие утра, когда приходил Виктор, холодея его широкою, взмокшую от необычного труда спину. И не готов он оказался вылечить затеявшееся в душе, не понимая: что делать с этим чувством дальше.

Несколько раз Катя после встречи с Виктором находила букеты на своём пороге. Они теперь не заносились в дом и сваливались матерью на землю. Девушка старалась не обращать на это внимания, обозлённая открывшимся ответом на так мучивший её вопрос. Всё найденное было выброшено на помойку.

Разве понимал Виктор, следуя вскрывшей его тайну надуманной обязанности приносить цветы девочке, как глубоко затащил его этот туман, что кроме безнадежности и нарастающей глупости всего положения, ничего другого не можно ожидать? Ничего он не мог такого думать, как ребёнок, любя и отдавая – просто так, он продолжал свою жизнь, первый раз ощутив в ней кого-то ещё... Свыкаясь с новым состоянием, он конечно ждал чего-то, но и не старался определяться как он будет поступать в случае принятия Катериной его ухаживаний или отказа от них.

Виктор шагнул интуитивно, неумело, чистой волей бескорыстной души в сторону, совсем ему незнакомую, пугающую своей непонятностью и непостижимой потребностью в этой маленькой прекрасной девушке. Задурманивали ночи его глаза, ставшие вдруг такими долгими, закутали пресной пеленой голову, что потерял он ход времени, похудел, приобрёл выцветший болезненный вид.

И где ж ему было заметить в таком состоянии, что смеются над ним другие, передразнивают, а некоторые, глупые и непредсказуемые, таскают к порогу Катиного дома кусты цветов, надёрганные с корнями по чужим клумбам, найдя в этом забаву и щекоча в своём незрелом рассудке безумные, преступные идеи, не боясь быть услышанными в пьяных своих выкриках...

Просыпаясь, всякий счастливый видит свет.

День скидывает весь ночной дурман, выгоняет из души хворь, боль, сомнения всякие, старается так, что может не сохранить в карманах своих ни щепотки живой земли. Выметит за своё белое время неустойчивое, погремит звоном битого хрусталя и, смеясь, постепенно начнёт портиться: поникая, ослабляясь в собственных тенях, и воскрешая после – к новой ночи (вот где парадокс) саморучно умерщвлённое. Тогда и происходит торжество личной правды. Перед временем сна: вот оно – что было настоящим, о чём может и стоит думать, как о единственно правильном...

Зазвонит перед сном мысль, кажущаяся единственно верной, как открытие, прозрачная и во всём понятная. И кажется непоколебимой её истинность в такие минуты.

Вдохновляется взор на вещи хрупкими крыльями ночи и дурманит сколько вздумается, пока идёт её время. Здесь место слезам и тоске. Вот где оно – о чём трясётся переживаньями душа и покоя не даёт. Вот где зло и зависть прочая. Вот они, собственно, люди (перед сном в своих эмоциональных отчётах). А что будет после? За вздохом – выдох, а между ними тишина и суть наша.

Души с их сегодня, с их настоящей вечностью – вдыхают легкие – и живёт тем день, отрезвляясь таким живительным напитком искренности, охваченный откровением, а к луне возвращает отобранное не по справедливости...

Такие минуты надо доверять словам. Тогда любовь способна сказать, что она – любовь, если кто-то сам ещё до той поры слеп оставался и не понял всего.

5

Уберег Господь Виктора от многих тяжестей.

Не решил Витя ещё подойти к Кате. А день за днём закатывал его всего, как каток по свежему асфальту в ровную, нудящую струну. И всё оказалось способным играть на той струне: что ветер, шебаршащий листвою, что люди вокруг, к которым Виктор был всегда безразличен, спрашивая не заболел ли тот, что и сам думать стал про себя – болен.

Сдвинул Виктор с кухни стол со стулом в комнату, выходящей окнами на дорогу, и сидел часами, ожидая, когда покажется Катя. К помутневшим глазам липло голубое небо, едва отражаясь точками кружащих над Волочихой коршунов: кто выше, тот сытней.

Могли бы говорить, птицы рассказали б не мало интересного. Летающие люди вдохновляются небом. И, думается, больше всего видом на землю сверху, эйфорией полёта и ощущениями освобождения от того, что там, внизу. Встряхнувшись от ворсистой пыли повседневной пряжи проблем и суеты, опасаясь втянуть в ноздри противную лохматую сыпь, люди поднимаются, утопая в свежести и ощущении дорогой свободы. Каждую минуту грудь занимает у огромного неба кусочек этой живительной простоты, выдыхая даденное, точнее возвращая – обещаниями, самое первое из которых – жить.

Но что внизу, что наверху – человек остается прорабом груди задач построения всё новых владений и владений, и этими планами давно засорил многие головы, даже тех, кто поднялся в небо. Перетащил туда на борту свой хлам и таскает его из одного конца земли на другой. Такой вот получается мусороворот.

Волочиха редко услышит в своём небе гул самолётов. Не легли над теми местами регулярные рейсы.

...Выше всего государственные флаги развивались на козырьке Волочихинского «колхоза». Нужное начальство раньше всегда сидело там и люди, в связи происходящими переменами поначалу не сразу определились: как теперь будет называться это место. Появились новые для слуха слова «муниципальная» или «сельская администрация», которая, кстати, теперь была в другом месте, куда перенесли и сменившийся видом и содержанием государственный флаг. По отношению же к этому зданию всех устроило привычное – «колхоз», о чём и договариваться не надо было.

Колхоз занимал два этажа из силикатного кирпича, вперемешку с красным, протянутым полосками, не претендующими на какое-либо изящество – с многочисленными окнами и широкими ступенями. Находился на большой территории, отгороженной крашеной сеткой рабицей, закреплённой в рамки из металлических уголков. Повсюду были разбиты клумбы, палисадники, аллеи берёз, елей, сирени.

Прямо к крыльцу, пронизывая административный комплекс, вела асфальтированная дорожка метров в семьдесят длиной. Должно быть, по задумке архитекторов, путь к главному входу предназначался для больших и важных делегаций, которые могли идти одной шеренгой не менее чем из восьми человек, чувствуя локоть и не мешая друг другу, или проезжать на автомобиле, для чего со стороны въезда были сконструированы двустворчатые ворота и проложен отдельный подъездный путь.

Прямо у входа в здание церемонную дорожку пересекала поперёк и чуть наискось другая полоска, заметно уже главной, но тоже огороженная белеными бордюрами, проложенная для трудящихся, бегающих по штабам коллективного труда. Так подумать: почему поперёк, а не продольно, не рядом? Но рядом – как это? Это и бессмысленно, и неправильно. Что значит продольно? Никакой конкуренции в этом смысле. Гениальная простота вещей, вкладываемых в сознание, заключена в разделении, распределении, в тех самых «сверчках и шестках». Поперёк – значит все на виду. И весь процесс как на ладони. Дорожка поменьше была насыщена движениями рабочего класса, жилка, соединяющая ткани и органы одной системы.

Правее от «колхоза» находился мемориал с именами погибших во время Великой Отечественной, Вечный огонь и самый главный и высокий памятник (всего было в селе их пять). Солдат, опустивший ППШ, и женщина-крестьянка, снявшая шаль, держали знамя, пристально вглядываясь в даль, в будущее, на пути которого, сразу за асфальтированной улицей, стояла двухэтажная школа.

Архитектурное исполнение учебного заведения в лучших традициях повторяло букву «П», ножки которой были увешаны дополнительными корпусами, несимметричными и неравномерно развитыми крыльями: левое одноэтажное занималось начальными классами, а правое (на вырост) состояло из спортзала и просторной школьной столовой.

Кирпичная птица отказывалась смотреть прямо в лицо главенствующему в строительном ансамбле, стояла к нему боком и парадным своим входом уставилась на реку. Она сейчас уже высиживала тех, кому трудно будет задуматься, и кто не повторит больше путь по той самой второстепенной и наиболее оживленной дорожке к «колхозу».

Сразу за школой, внутри также аккуратно отгороженной территории, не меньше трех гектаров, находился стадион и дендросад, поглотивший коллекционной растительностью другой памятник: возбужденные красноармейцы, набившись вокруг «Максима», показывали руками на заросли, за которыми оказывалась встроенная школьная библиотека и открывались огромные окна спортзала.

До строительства школы, надо понимать, друг на друга смотрели цементно-бронзовые представители двух эпох, плотно вжавшиеся в короткий и жестокий тридцатилетний период своего прошлого. Видимо чего-то смущаясь, школа упрямылась смотреть в ту или в другую сторону, отдав многочисленные окна ходу солнца, то и дело заливающего их оттенками краснеющих своих закатов и рассветов.

За спиной колхозной администрации было уютно, низкоросло, одноэтажно. Там, по правую руку, стоял довольно приличный, но старый детский сад. До начала больших перемен – по левую руку – вырастили новый и так как планы соответствовали одному из громких лозунгов «выше» и не должны были ограничиваться имеющимся рядом образцом – вытянули два этажа, вместимостью не менее ста мест. В нём поначалу даже заложили бассейн, который после, по непонятным местному населению причинам, был замурован.

Другое здание, примерно на пятьдесят койко-мест, располагалось напротив нового детского сада и называлось давно уже участковой больницей. Дом этот поставили здесь ещё задолго до всего вышеупомянутого и предназначили служить помещицкой усадьбой. Пожалуй, это был шестой памятник, чьи исторические доказательства прав на место в летописи села писались кровельной лепниной, арками, дугами, старинной крепкой отделкой и необъяснимой угрюмостью, которая лишь усиливалась тем, что грустило всё это ниже всех других – в ландшафтном, не задорном твёрдом современном покрытии, перекосе.

Вся картина архитектурных особенностей центра Волочихи не станет полной, если не упомянуть о презентующихся двух других объектах: деловом центре, о котором уже что-то известно, и трёхэтажном импозантном Дворце культуры.

Улица с левой стороны колхозной администрации горбатилась тем самым разграбляемым объектом под торговлю и страдала провалом в асфальтовом покрытии, похожем на открытый рот, завалить который отважились лет через пять после его образования. Дыра год от года вырастала; развалины становились всё ниже; безмолвный этот крик прекратился примерно тогда, когда останки мёртвого строения покрылись травой и лишь местами напоминали о себе ненужными никому монолитными кусками из ломанного красного кирпича и бетона.

Торговый центр изначально тоже был двухэтажным с большими стеклянными витражами, просторным залом, площадкой для летнего кафе на самой крыше и гостиничными номерами. «ТЦ» так и не дождался торжественного открытия; его долгие похороны начались со звона бьющихся стёкол, стоявших нетронутыми целых два года после завершения стройки.

Правая, северо-западная сторона от администрации была освоена центральной площадью.

Украшением и гордостью, венцом благополучия, некогда достигнутого силами трудящихся и личными связями бывшего председателя богатого колхоза, являлся – Дворец культуры! Своим появлением он сместил ось притяжения всякого внимания, избытка времени. Дворец ковал новые брачные союзы в мраморно-зеркальных залах, отобрав эту функцию от уютного и вполне ещё функционировавшего по всем правилам старого зала бракосочетаний.

Новый Дворец культуры никак не мог называться «Домом». Он принимал у себя гастрологи союзных филармоний, растил районную сборную по хоккею, создав все современные условия с разделёнными душевыми кабинками в своих подвальных помещениях и приложив к себе новую хоккейную коробку как раз со стороны полностью укомплектованного физкультурно-оздоровительного комплекса.

Дворец почётным вторым этажом вознёс на высоту ярко светящих уличных фонарей большую сельскую библиотеку, оставив её открытой миру сплошной стеклянной стеной и торжествуя невообразимым пополнением-и-пополнением книжного фонда.

Дворцу было по силам вмещать и нарождать вокально-инструментальные ансамбли, дивя сверкающими линиями новых электро-барабанно-струнно-духовых инструментов, пестрить роскошными костюмами, расцветать досугово-кружковой работой.

Сердцем этого чудесного создания считался кинозал с широким экраном и мягкими креслами, обшитыми красным бархатом. Его просторная сцена была влюблена в завезённое световое оборудование, крутящийся пол, полуавтоматические механизмы поднятия роскошного занавеса, мечтающие покорять своего зрителя.

Дворец был настоящей визитной карточкой всего района на зависть всем, кто здесь не родился и не жил!

6

Тётя Лида, давно не навещавшая старшую сестру, приходила накануне осведомиться о родственниках и завела разговор о работе. Катя была, по мнению тётки, уже взрослая, пенсии матери не могло хватать, да как часто её приносили тоже было хорошо известно. В общем: лето, времени свободного много и решено было отправить девчонку поискать трудоустройства, чем та послушно занялась на следующий день.

Бестолковые походы из одного места в другое, из сельской администрации в колхоз ни к чему не привели. Катя наслушалась женских жалоб о задержках зарплат, о забастовках, выдаваемых в счёт зарплат товаров... Перед глазами стояла сумка с огромными бюстгальтерами, которыми рассчитались в районе на швейной фабрике и теперь этот товар расходился по деревням как новая тряпочная валюта; да ещё хлеб колхозный!

Катя знала, о каком хлебе идёт речь. Бывшую колхозную баню в прошлом году отдали каким-то людям, после чего в селе случился скандал на национальной почве. Булки отдавались под запись в долговой тетради, заметно уменьшившись в размерах и весе. Жители пощадящему прозвали этот хлеб «крошками» и вынуждены были брать, закрывая глаза на чудесную особенность: списывались в счёт того заметные куски от причитающейся зарплаты. Стрый фокус, который ещё разрастётся до размеров настоящего шоу, удивляющего своим размахом, наглостью и беспрецедентностью.

Посновав по разным дверям, Катюша направилась к собравшимся у главного перекрёстка людям.

В центре села было оживлённо с самого утра. Привезли всякого мелкого товара для сельских нужд, особенно народ интересовали калоши. Они лежали в мешках и больших клетчатых сумках. Когда их вываливали в коробку, все изумлялись. Эти бесформенные чёрные уродцы с красным нутром были мятые и настолько привыкшие к новой форме, что, казалось, никогда не примут изначальный привычный для глаз вид. Но всё равно это была та самая нужная резиновая обувь, к тому же очень недорогая, и сельчане стремились успеть взять. Лёгкое недоумение испытал и дед Ефрем, подъехавший прикупить пару на лето и в зиму запастись, чтоб потом самые огромные – «зимовки» – натянуть на валенки.

Пока он выбирал из общей свалки резину получше, Виктор, сидевший в его бричке, оставил изучать содержимое пакета, врученного ему дедом Ефремом за предстоящую работу, и глядел на подошедшую Катю. Рассчитавшись, дед Ефрем просунулся через толпу и лихо заскочил в тележку: «Бери вожжи, Витя, поехали! На пруд давай!», – и стал мять в стороны гнутую свою покупку.

Днём раньше дед Ефрем познакомился с новыми приезжими. Ими оказалась семья из Казахстана, занявшая один из корпусов бывшего пионерского лагеря. Поинтересовавшись, гостеприимства ради, судьбой и «ситуацией» в ближнем зарубежье, а также причинами приезда, профессиональной принадлежностью главы семьи и его супруги, детьми и планами на будущее, он наметил пару личных выводов.

Не менее всего занимали благожелательного старика условия заселения приезжих. «Это хорошо! Пригляд будет»: дед Ефрем узнал также, что здесь они на неопределенный срок, жить будут в аренду, что непременно хотят строить свой дом или, даст Бог, купят что-нибудь доброе, но для начала надо определиться с работой. Им уже до переезда обещали место в саду на поливе. Растениеводство при лагере поднималось несколько лет; давало урожай разной культурной ягоды, облепихи, яблок. Только орошалось нынче всё единственной оставшейся целой

поливной системой, питающейся из искусственного пруда. Работа эта была сезонной, поэтому глава семьи думал устроиться на постоянную в фермерское хозяйство.

О создаваемом фермерском хозяйстве дед Ефрем слышал не первый раз, но нового про это дело приезжий ничего не рассказал.

Подъехав к пионерскому лагерю, дед Ефрем без труда попал на территорию: надо было только раскрутить проволоку на воротах. Остановив лошадь у крайнего домика, он разнуздал её, закрепив верёвкой дистанцию и пустил пощипать травы.

Территория уже прилично заросла. Сорняк можно было повыдергать довольно быстро. Молодая поросль клёна и берёз тоже поддалась бы крепким рукам. Асфальтированные дорожки пришлось бы подлатать.

Двери в свободные пять корпусов были закрыты. Походив вокруг, заглядывая в окна, он обнаружил пару из них разбитыми – тех, что были с тыльной стороны и глухо закрывались деревьями. В этих домиках с потолков свисали кишки оторванной проводки, чернели дыры на месте розеток и выключателей, на полу в одной из комнат лежала треснувшая потолочная лампа.

– Что, Витенька, не уморился на солнышке? – подошёл к брочке дед Ефрем. – Ну-ка, на! – покопавшись руками в соломе, накиданной сразу за сидущкой, дед доставал гвоздодёр, топор, потрогал и оставил на месте ломик. – Давай-ка мы с тобой шиферок вон тот съём, с прихожки. Сколько там будет: раз, два, три... семь штук. Да в два. Четырнадцать. Только аккуратно, не сломи уголки.

На работу высокого парня и машущего руками старика поглядывала, время от времени, новая хозяйка дальнего корпуса, выбегающая на улицу набрать воды.

На землю было уже спущено несколько листов, когда дед Ефрем услышал свист тормозов. Колхозный УАЗик, пролетающий мимо, резко дал задним ходом и подвернул к забору, как раз туда, где шла работа.

– Эта что за хренатень?! – заорал, выскакивая из кабины, Михаил Викторович. – Кто разрешил! Щас же всё обратно!!

– Ну-у!.. – заёрзал от неожиданности поворота дед Ефрем.

– Обратно всё я сказал!

– Мишенька... – пытался что-то сказать Ефрем, но Михаил Викторович резко перебил его:

– Я вечером всё проверю! Обратно я сказал! – проорал Михаил Викторович и, матерясь, заскочил в машину.

Подняв пыль, УАЗик быстро помчался дальше, подпрыгивая через засыпанную по дороге трубу, тянувшуюся от пруда на несколько километров до реки. Через некоторое время, сопровождаясь бурчанием деда, шифер вернулся на место.

Выезжая из лагеря, недовольный, разозленный старик, остановил лошадь и закинул в тележку моток алюминиевой проволоки и обрезки арматуры, сложенные у ворот. Присыпав их соломкой, он взялся за вожжи и повёл вдоль пруда. «Э-эх, Витенька, смотри что делается...» – заговорил опять дед, чуть успокоившимся голосом, и кивнул в сторону пляжа. Деревянные грибочки, сооруженные когда-то на завезённом песке, опустили головы, один почти совсем свалился, зацепившись уголком за выцветший столбик. Пляж пробивали молоденькие топольки, занимая всю левую сторону берега. Витя покосился куда указал дед и зажевал сало из своего пакета.

В «колхозе», куда Катя снова отправилась на следующий день, ничего не предложили и не пообещали. Там почти никто не работал: собравшись на первом этаже, люди обсуждали

вчерашние новости о погибших в «горячих точках», забастовках учителей и медиков и новую о чьей-то голодовке. Куда это идти к фермерам, как наотмашь посоветовала давеча мама одноклассницы, она не понимала. Но успела получить дельную подсказку: что всё может пояснить Михаил Викторович, младший брат которого Александр имеет отношение к новому самостоятельному хозяйству. Кто такой Михаил Викторович Щербинин не знали только малые дети, которым ещё рано было проникнуться понятиями каменного уважения. Услышав это имя, Катя растерялась и заметила в себе испуг, ведь решать свой маленький вопрос пришлось бы ей самой у такого большого человека. Что ему до неё? И страшно и неловко подойти. Как вообще говорить? Просто попросить помощи? Для того, чтобы попасть к нему нужно было снова вернуться в «колхоз», там Михаил Викторович был главным.

По дороге Катя вспоминала упомянутого Александра. Она видела его пару раз и приметным он стал не только для неё не столь выделяющейся активностью, которая для девочки ничего не значила, но невиданным своим автомобилем – первой иномаркой в этих местах. Эту удивляющую видом и бесшумностью машину мальчишки часто обсуждали в школе и всегда останавливались на улице поглазеть и мечтая о такой же.

Перешагивая через сбитые тяпками сорняки, ковыряющие потрескавшуюся дорожку, Катя направлялась домой. Навстречу ей торопливо шагали Лариса Сергеевна и Виктор Дарович (все в селе его почему-то звали только по имени-отчеству) – художник и директор Дворца культуры. Они шумно обсуждали детали выпускного вечера и совсем не замечали девочку, которая когда-то успела походить к Ларисе Сергеевне на вокал.

«И спали даже на лавках на стадионе!» – возмутился и махал одной рукой директор, другой тесно прижимал к себе толстую папку с выглядывающими уголками потрепанной бумаги. «Это ж надо! Срам какой!» – поддерживала Лариса Сергеевна. «Так напиться!». «Дети ещё!». «А я и говорю! Куда смотрит администрация?!». «А родители? Учителя? Позор какой!» – раскачивала головой женщина, принимая джентельменскую уступку Виктора Даровича, перешагивая через железные ступеньки, которыми заканчивалась дорожка и начиналась площадь. «А вы были на проводах у Миллер?», «Нет. А вы?», «Тоже. Мы мало общались», «И эти в Германию подались...». Дальше Катя уже не расслышала.

Подойдя к брошенным на землю тяпкам и сидевшим неподалеку рабочим, девочка сделала ещё одну попытку и спросила: «А можно я буду вам помогать?». «Закончили уже» – ответили отдыхающие и принялись собирать зелёные кучки. Кто-то хлопнул окошком, закрывая его изнутри большого кабинета на втором этаже «колхоза». «Заходите же!» – расслышала оттуда Катя недовольный мужской голос.

8

– Ну, что, товарищ участковый? Проблемы? – спросил сердитый с утра руководитель «колхоза» – Михаил Викторович.

– Ну, как... С горячим бы порешать.

– С горячим! А что там вам, Дмитрий Николаевич, не дают? – начал привычные темы Михаил Викторович, прекрасно зная, чем закончится весь разговор.

– Михал Викторыч, сами всё знаете.

– Знаю. – Михаил Викторович поводит недовольно усами, которые отпускал раз в пару лет. – Машина есть, значит заправлять надо. Не было б машины – пешочком. Куда проще!

– Пешочком много не находишься. А работы много.

– Какой такой работы у нас в селе?

– Побои, угрозы, кражи там... много всякого...

– На побои, угрозы... можно и ножками пройтись! Чего там ваше начальство сами не хотят решать? Ты сколько лет в милиции? Год-два?

– Два с половиной почти. – отвечал молодой участковый, поёживаясь в своей форме. Несколько минут оба молчали, поглядывая друг на друга.

– Выпьешь? – спросил глава, глядя на то, как вновь назначенный незадачливый участковый теребит свой портфельчик тонкими почти женскими пальчиками. Михаил Викторович непонятно для Дмитрия Николаевича покачал головой, от чего тот ещё больше сконфузился и рад был, казалось бы, уйти сразу, но надо было разрешить вопрос.

– Я на работе. Потом мож как-нибудь. – ответил неуверенно молодой проситель.

– Он ещё отказывается! – Михаил Викторович помялся на стуле, поглядывая под стол, и опять завёлся: – Вот у Макаровых корова пропала! Из стада возвращалась, видели, домой шла. А где она? Третья неделя пошла. Когда найдёшь? У Маслянкиных тёлка, у Шестаковых. Где работа? «Много» работы? Бензин нужен, чтобы найти? Скотина в стаде не пропадает. Домой приходит! – заведясь, почти орал Михаил Викторович. – Это соседей проверять надо. Соседей! Проверял?

– Ну, да.

– И чего?

– Да нет ничего. – виноватым голосом отвечал Дмитрий Николаевич.

– Мясо кто, когда сдавал знаешь?

– Ну да. Но это ещё доказать надо.

– Ну так доказывай! Люди ко мне с жалобами и просьбами идут. Я твою работу должен делать! Это ты мне должен бензин давать. И приплачивать! «Сигму» под боком утащили. Целиком! Чем сад поливать? – Михаил Викторович злился всё больше, чередуя претензии матом. – Мне эту проблему сунули и теперь кому искать? Вон под дверью опять толпа, как к Ленину! Останешься сейчас и послушаешь! А потом про бензин спрашивай.

– Викторыч, но по водокачке нашли же кто!

– А толку! Вернут теперь её? Где насос?

– Увезли в... – не успел договорить участковый, Михаил Викторович резко его перебил:

– Куда увезли я знаю! Да её уже распилили ко всем собачьим! Как теперь собрать и привезти, можешь сказать?

– Ну да, следственные...

– Пока доказывать будешь – растащат весь лагерь! Вот заселю тебя в пустой корпус и следи день и ночь. И бензина не надо будет! Толку больше! Нужно работать – предотвращать, а не опосля бегать. Не набегаешь потом! С народом работать надо! Заранее знать: чего хотят и что, где могут!

Тут раздался стук, открылась дверь и в кабинет вошёл молодой человек, одним кивком головы обозначая приветствие и извинение за вторжение. Твёрдые шаги разбились незаконченный разговор.

– Ладно, Дмитрий Николаевич... – внезапно изменился Михаил Викторович, словно вспомнил о чём-то важном, увидев вошедшего. – Спрошу за всё! И к начальству вашему загляну... – оставаясь в суровом голосе он завершил: – Зайдите в бухгалтерию, пусть 20 литров выпишут. На этого, как его... На бригадира скажи! – махал на дверь рукой Михаил Викторович. Участковый поднялся, пожал всем руки и поспешил к выходу.

– Доброе утро! – начал вошедший и уступил: вслед за ним проскочили несколько человек. Разобрав по-быстрому кому чего у начальника «колхоза» снова остались двое – он сам и его брат Александр Викторович.

– Доброе, начальник! – ещё раз поприветствовал Александр.

– Добрее не бывает.

– Чего такой злой?

– Надо постоянно не высыпаться, чтобы не быть слишком добрым. – пробубнил Михаил Викторович, недовольно и суетливо поглядывая по рабочему столу.

– Гагик скоро подъедет.

– Да идите вы все!.. Вместе со своими гагиками!

– Ты чего? Миша! Обо всем уже договорились. Ты чего опять прыгаешь, не могу понять?

– Руки то не горят? Глотка как у... мало фабрики в городе?

– Тихо, не ори! Мне глубоко почерту твоя дерготня. Хочешь или нет, всё будет так как договорились. Понял!?

Михаил нервно елозил на стуле, передёргивая туда-сюда сложенные малочисленные бумаги. Его младший брат – Саша, которому чуть за тридцать, среднего роста, некрепкого, но уверенного, жилистого телосложения, уселся на деревянный стул, каких было десятка с полтора в кабинете, покачиваясь и сжав губы, в упор глядел на брата.

– Не скрипи! – не выдержал Михаил. – Совести нет ни хрена!

– Совесть?! Кому она нужна твоя совесть! Она прокормит тебя? Не мы так другие вытаскаем! Хочешь, чтобы мы потом голозадыми остались и башкой по сторонам мотали? Шанс! Миха, шанс даётся, не вовремя ты про совесть вспомнил и не к месту совсем! При чём тут это? Где мой пакет? Надо, мне кажется, поторговаться ещё.

Михаил быстро встал из-за стола, пошарил в карманах ключи и развернулся к сейфу. В двусторчатом железном ящике было много свободного места. Резкий чёрный контраст полого нутра и скромных внутренностей, откуда вынималась завернутая в целлофановый мешочек пачка одинаковых светло-коричневых купюр. На верхней бумаге можно было разглядеть в овальном окошке по центру рисунок набережной и снизу крупные буквы: «Приватизационный чек». Закрыв с шумом крашеную дверцу, Михаил бросил пачку на стол: «На!».

– Я всё-таки не могу понять: почему ты тогда не сказал, что ещё остались? Сколько их здесь? – потянулся за пачкой Александр.

– Тебе надо, ты и считай свои фантики! – психовал Михаил.

– Да, успокойся ты. Тяжело с тобой. Сколько работы за зря!! И сколько потеряли!! – Александр так возмущался, что слышно было как шипят звуки в его словах.

– А ты поищи того, с кем легче!

– А ты и рад будешь. Сколько осталось?! – старался держаться спокойным Саша, разворачивая пакетик.

– Семьсот три.

– Ай! М-ммм! – раздражённо взорвалось у Александра, и он хлопнул пачкой по столу так, что оборвалась обтягивающая резинка и цветные банкноты рассыпались по широкой полированной крышке.

Михаил покосился, демонстрируя своё недовольство. В скрытой у его ног тумбе послышался стук стекла и короткое журчание. Саша спихнул бумаги в кучку, крепко сжал в руке и постукивал нервно по их отражению в столешнице. Глядя в сторону белого широкого окна сдержанно, с паузами произнёс:

– Мне тоже плесни. Документы где?

– Вон! – показал Миша на самый низ железного шкафа и опрокинул стакан. Звучно поставил руку на стол, что должно было означать удар кулаком. Стекло, лежавшее на толстом мизинце, уцелело от неровного звука, и Михаил шумно выдохнул, занюхав с рукава.

– Знаешь сколько они теперь стоят?.. – сматерился Саша, глядя на пакет. – Мы могли бы намного больше сделать!! Это твой прокол, Миха! Давай, выгребай отсюда. Поехали.

– С-суки! – протянул в сторону Михаил сдавленным голосом. И опять нагнулся к своему барчику.

Александр укоризненно посмотрел на брата и направился к выходу: «Хорош прикладываться! Вставай!».

Чёрная подержанная иномарка, тихо шурша камешками, выехала из двора «колхоза». Несколько раз она нарезала круги по объездным просёлочным дорогам, поднимая пыль и завозя на себе её остатки то на первую бригаду, то на вторую, то на машинный двор. Сделав крюк через дом главного бухгалтера, «Тойота» на несколько часов вернулась назад.

В этот день бумага «терпела» несколько раз. Главный бухгалтер перебивала на электронной машинке договоры, марала пальцы о штемпель и забирала потом домой документы на МТЗ-80.

Оставшиеся в кабинете чего-то ещё обсуждали со своими визитёрами, смеялись за закрытой дверью. Поставленная на стол бутылка коньяка и две другие, вложенные в руки хозяев кабинета, обозначили сделку состоявшейся.

Приезжие задерживаться не стали. «Ваши соседи тоже очень гостеприимные! Нельзя отказывать людям делать добро для других людей. Это не вежливо». И вскоре от администрации отъехали две «Волги», одна из которых раньше колесила дороги райцентра и загонялась на ночь в хорошо отапливаемый гараж райкома. Теперь она держала курс на следующее село, оставаясь, по привычке, во главе небольшой колонны.

9

Поскандалив вечером с домашними, ничего им не говоря, Михаил поехал за деревню, где должен был встретиться с Сашей.

Дверка машины глухо хлопнула. Появившийся из окошек автомобиля свет отметил силуэт севшего на пассажирское сидение человека. Чиркнула спичка и в темноте замаячил сигаретный огонёк. Тускнеющий свет выдавал водителя, уставившегося в кожаный потёртый чехол руля. Несколько секунд и наступивший мрак пробил второй огонёк газовой зажигалки. Засветились панельные приборы и приспущенное окно выпустило из салона чуть заметный в темноте дым и порядком уже настоявшийся запах коньяка.

– Где документы? – произнёс Саша.

– У тебя же, в машине были.

Некоторое время оба снова молчали.

– Затрухал? – спросил Саня, пытаясь придать тону игривость. Но выпитое только приглушало его голос и делало слова тяжелыми, вязнущими на языке, что ещё больше раздражало Михаила.

– А ты, я посмотрю, во вкус вошёл?

– Не дрейфь, брат. Всё очень хорошо! – продолжил Саша. – Им всё это пристроить куда-нибудь надо будет. Ну, что-то толкнут, а что-то может и здесь пользу приносить. Техника работать должна. Народ должен работать. Кушать всем надо. Всё скопом продать не смогут, а если правильно и, главное, быстро посуетиться – побоятся... Ты понимаешь, о чём я? – важничал Александр и, сделав глоток, протянул бутылку брату. Отвернувшись от алкоголя, Миша ответил:

– Все твои манипуляции, Сашенька, они раскусят в два счета. Ты недооцениваешь их. И как только ты начнёшь думать, что можешь обыграть, тебя сожрут. Мы одно думаем, а там люди привыкли пятилетками работать, на несколько ходов вперёд планировать. Ты можешь так? Или знаешь, что у них в голове?

– Мне нравится этот задор! Наконец, я узнаю тебя! – Саня засмеялся.

– И с чего вообще ты решил, что продавать будут? Они приучены работать. Будет всё то же, только в частных руках.

– С этой точки зрения... мы – дураки. – Саша устало выдохнул. – Надо их землёй привязать, – помолчав сказал он. – Да и мы совсем в стороне не остаёмся. На твоё хозяйство нор-

мально получилось, потянешь, прокормимся. А этих землёй привяжем. И фонд, надо подумать, какой-нибудь организовать.

– Ну и привязывай.

– Миш, – Саня потянулся и включил свет в салоне. Глядя в глаза Михаилу, он продолжил, – Миш, надо, серьезно... с землёй подумать. Надо быстрее, сейчас они нам как-бы должны...

– Чего «подумать». Я и так руки по самое не хочу!.. Это же мне делать! Ты что ли бумажки подписывать будешь, людей убеждать? И с чего ты решил, что они должны? Поверь, они так точно не думают.

– Миша, они с Заречного щас всё вытянут, пойдут в Беловодку или Яровку. Мы с тобой, посмотришь, будем ещё на работу проситься, если ничего не предпримем. И земли прихватят следом очень быстро. На нас научились, мы ни с чем останемся... а им дальше доить.

– И что предлагаешь? Землю хватить? Здесь как будем жить? Я уже думаю уезжать теперь надо.

– Миша, – продолжал пьяным голосом Саша, – будет земля, никуда не поедешь. Твоя, наша земля – и пофигу кто чего говорить будет. Людям какая разница – где работать? Лишь бы деньги платили. Хоть какие-нибудь. Тебе ли объяснять? Ещё пару лет, потом не будет такой возможности. Ну! Пока возможность есть!

– Задолбали твои разговоры про возможности.

– Да, открой глаза! Ехать собрался? – усмехнулся Александр. – Езжай! Но куда приедешь – с наивной мордой будешь понимать, что всё также... как и здесь, как везде! На дядю работать поедешь, Миша!

– Страшненький ты человек, Сашенька. Заигрываешь, не думая.

– Открой глаза, ещё раз говорю! Всё! Получили то, чего хотели! Перемены... И я уговаривать тебя больше не буду. Надо быстро соображать, Миша.

– Да кто хотел то такой беды? Страну развалить; ты хоть понимаешь к чему мы идём? Кто хотел такого: я или ты? Скольких ты знаешь таких? А!

– Да какая уже разница. Назад не вернёшь. А нам поторопиться надо.

– Как ты это хочешь сделать?

– Ты говори. Ты же у нас эксперт и управленец. – Саша добил бутылку и бросил её из окошка.

– Подыми.

Александр несколько секунд пристально вглядывался в лицо Мише. Шатаясь, он вылез из машины, пошарил руками по земле и закинул пустую бутылку в темноту, откуда раздался тупой удар толстого стекла, угодившего во что-то мягкое. «А-а!.. ё-о-о!» – послышалось Саше. «Эй!» – крикнул он в темноту, откуда послышался хруст веток.

– Я не участвую в этом. – решительно и громко выдал из машины старший брат. Саша, оставаясь снаружи, некоторое время стоял молча, всматриваясь в скрытое теменью. Затем спросил:

– А мне что делать одному? Там есть ещё? Был же ещё коньяк. – и залез на заднее сидение поискать.

– Хватит тебе! Ты и так пьяный. Поехали домой.

Саша уже сел на водительское место и, сняв крышку, сделал несколько больших глотков.

Михаил продолжал:

– Там, вот порядок наведи, дома! За женой присмотри лучше...

– Что ты хочешь сказать? – совсем опьяневшим голосом спросил Саша.

– Саня! Стыдно уже! Все скоро говорить начнут...

– Что ты хочешь сказать?! – повысил голос Саша и упёрся на брата.

– Ничего! Внимание бабе нужно, может... Живешь с б...ю! – резко выдал Миша и тут же почувствовал сильный удар в челюсть. – Ах ты!! Сиди!.. и торгуй хоть собственной задницей! Дурень! – обозлённый, обидевшийся Михаил, держась за лицо, толкнул от себя дверцу машины и быстро уехал на своём УАЗике.

Ещё некоторое время зажигались и гасли огоньки в прокуренном салоне. Ночь совсем схватила автомобиль и он обнаружил себя, только когда дёрнулось зажигание и по уснувшей дороге потянулись два лучика света, выхватывающего подоле ямки, пучки травы и засиявший дорожный знак, выводящий на асфальт. Оказавшись на дороге, автомобиль остановился, развернулся фарами к месту, где недавно стоял, пролучил кусты, куда была заброшена пустая бутылка. Саша вылез и проорал, матерясь, в темноту: «Пошли все на ...!! На ...!! Понял!?!». Хлопнула дверка и автомобиль потащил грохочущую музыку из своего салона в село.

Немного погодя, следом проехала другая машина, не включая фар. В ночи сложно было определить марку и цвет. Съедено-сероватое пятно, скрипя пружинами, выбралось на дорогу и медленно двинулось в сторону Волочихи.

10

На тёмных улицах уже не слышно было голосов и даже собаки упокоились в своих конурах. Редкие фонари освещали отдельные дома, как будто село спало с приоткрытыми глазами.

Под рассвет, ближе к четырем часам, недалеко от дома Михаила Викторовича раздался громкий хлопок, и улица затревожилась пляшущими языками огня. Михаил и вся его семья подорвались с постелей, выглядывая в окно. На улице полыхал автомобиль.

– Лида, веди скорее детей в комнату к матери и не высовывайтесь! Запри дверь за мной! – быстро проговорил Михаил, шатаясь спросонья по коридору.

– Мишенька, что это?! Это машина горит!? Господи, господа! Я с тобой! – лепетала жена.

– Нет! Быстро, говорю тебе, к матери! Смотри за детьми! – скомандовал Михаил, зачем-то вытаскивая из-под кровати ружьё и, накинув ветровку, первое что попало, выскочил на улицу.

Взрыв автомобиля разбудил все дома в окрестности. Люди выскочили на улицу. Выбежав за калитку, Михаил увидел сидевшего на земле Александра.

– Краси-иво, да Миш! – показывая на горящую машину, произнес сильно пьяный Саша.

– Ты сдурел что ли совсем!? Саня! Ты что тут устроил?! – заорал Михаил.

– Ну, красиво же!.. Миша-а! – завыл Саша, пытаясь подняться с земли.

– Быстро домой! – Михаил схватил брата и, оглядываясь по сторонам, потащил его в дом. Подоспевшая жена подхватила Александра за руки и громко шептала: «Что это, Миша? Что это? Это его машина? Он целый?».

– Я сказал сидеть дома! Чего выскочила? Закрой его, смотри чтобы не выходил.

– Господи-господи... – Лида, пыхтя, помогала затащить обмякшего Сашу.

– Проверь его всего, щека в крови, задело, кажется... – Михаил, закинув ружьё в кладовку, натянул штаны и убежал обратно на улицу.

Соседи уже стаскивали к месту пожара воду вёдрами и постоянно что-то орали. Женщины охали и бегали, собирая проснувшихся детей обратно по домам. С переулка выскочила белая «Нива» участкового.

– Проводка! Замкнуло! Мужики, туши её! – кричал Михаил, помогая сбивать огонь, выхватывая из рук вёдра. «Мне на летник сейчас перекинется» – завопил один из соседей, «Где пожарка?!». Подбежал Дмитрий Николаевич.

– Проводка замкнула, Дима! – быстро сообщал участковому Михаил.

– Это Александра Викторовича машина?! Он не пострадал? Где он? – кричал участковый, снуя туда-сюда.

– Да он целый. У меня спал! Мы все спали, когда услышали взрыв. У меня он был, ночевать сегодня остался. Вот же дела!..

– А во сколько он к вам приехал? – спрашивал участковый, перекивая шум. – Он был один или с кем-то?

В этот момент раздалось резкое жужжание бензопилы, успевающее рушить ствол раскидистого дерева. Его широкие ветви перекинулись через забор и в мешанине запахов горящего почувствовалось что-то юное, зелёное, накаляемое высокой температурой. Сообразительный сосед, очень обезопасил свою ограду, так как вровень с моментом, когда послышался податливый треск ломящегося ствола, моментально высохшие листья вспыхнули факелом и с треском понесли по своей кроне огненные ручьи. Верховка была повалена на дорогу и трепетно, грозно занимала оставшуюся площадь горячей листвой. Никто не обратил внимания на раскуроченный забор, спешили теперь погасить горящие ветви.

Через несколько минут мужики прикатили из какого-то двора цистерну с водой и залили машину вместе с соседским забором и поваленным деревом. Переполох вскоре закончился и люди глядели на то, что осталось от иномарки, на лужи грязи, переводили дух и приходили в себя. Вонь и гарь висели в воздухе. Участковый побежал заглушить свою машину.

– Ух... – отдышавшись, с переборами, Михаил Викторович, начал всех организовывать. – Ну, давайте по домам! Ничего уже больше не случится. Всё уже кончено. Идите! расходимся! – уговаривал Михаил людей. – Мы разберёмся.

– Где Александр? Я могу с ним поговорить? – спросил вернувшийся участковый.

– Не сейчас, Дмитрий Николаевич. – Михаил всё оглядывал погоревшее и постепенно, слишком медленно расходившихся сельчан. – Давайте пораньше... нет, к часам девяти приходите ко мне. Хорошо? Или нет, Александр Викторович, сам придёт к вам. Я прослежу.

– Мне нужно всё осмотреть. Нужно увидеть Александра Викторовича. Он точно у вас? – не унимался участковый.

– Точно-точно! Сильно испуган, плохо ему... – не знал что придумать Михаил.

– Может ему врача надо, Михаил Викторович! Вы понимаете?

– Да не надо ничего! – заорал Михаил Викторович.

– Я останусь пока здесь, – продолжал участковый, – Опросить...

– Езжай тебе говорят! – громко командовал Михаил. «Езжай, езжай. Всё нормально.» – поддержал кто-то из соседей.

Дмитрий Николаевич топтался на месте, оглядываясь на присутствующих и обгоревший металл. Опустевшую бочку скатили с дороги. Ничего больше не говоря, Михаил вернулся в дом.

11

Дмитрий Николаевич всю эту ночь не спал. Во-первых, его задело слова Михаила Викторовича, сказанные прошлым утром в кабинете. Во-вторых, не давала покоя компашка Мыковых, не просыхающая уже который день, и поступившие на них жалобы из школы, что те, мол, хулиганят и по ночам выдирают с корнями цветы на клумбах непонятно зачем.

Это для Дмитрия Николаевича было бы делом пустяшным, не проследи он однажды за молодыми людьми до самого дома Кати и не увидь своими глазами причуду с цветами. Молодому участковому удалось выяснить, что группа Мыковых, пьянствуя ночами, носит на порог Фроловых цветы и спорит потом кто «девчонку будет первым». Также выяснилось, что Толян выследил как-то Виктора, проживающего у реки, который раньше делал то же самое. Это забавляло нездоровую компанию и привело хранителя порядка к настораживающему подозрению,

которое очень скоро подтвердилось Мыкинскими выкриками. Теперь Дмитрий Николаевич решал, как поступить и пытался понять: загульный то был бред или действительно девочке что-то может угрожать.

Были для беспокойства ещё причины, это, в-третьих, но эти подозрения в отношении сосем других дел и лиц он только начал себе формулировать.

Уставший от бессонной, сумасшедшей ночи, Дмитрий Николаевич вернулся в квартиру, чтобы привести себя в порядок, позавтракать и поспешить к себе в кабинет, выделенный Волочихинскому участковому в здании администрации села, где должен был вот-вот появиться Александр Викторович.

Михаил Викторович, предупредив бригадиров, что сегодня его не будет, вернулся домой пораньше. К тому времени сгоревшую машину уже вывезли на свалку и засыпали шлаком чернеющее на дороге мокрое пятно. Распилили и убрали сваленное дерево, восстановили забор. В доме у Михаила Викторовича было тихо. Мать, как всегда, сидела на кухне, сложив под фартуком руки и беззвучно смотрела в окно. Увидев её, Михаил на секунду засомневался в реальности произошедшего ночью.

– Не проснулся? – спросил он почему-то шёпотом у жены, та накрывала завтрак. «Вставал, опохмелился: к холодильнику слышала подходил. Потом опять лёг». «Не говорил ничего?». «Нет». «Ну, идите, посидите немного с матерью в комнате». Растолкав Александра, Михаил вывел его на кухню.

– Ну!? Что это за концерт?! – ругался Михаил.

– Ой, давай ты не будешь... – отвечал Саша, корчась и держась за голову, – Есть чё? Голова раскалывается.

– Ты нахрена машину спалил?! Ты знаешь сколько проблем наделал?! – Михаил старался не шуметь, но всё же давил громко сдавленными от злости лёгкими, так что из них пролетало сквозь зубы что-то лишнее. Александр несколько секунд стоял, собирая затуманенные образы, и потом с тяжестью прохрипел:

– Я извиниться приехал. – Саня приподнялся к холодильнику, но Миша опередил его и рукой придавил дверцу. Перед глазами встала опухшая щека брата. – Ну извини, всё. Я сейчас домой пойду. Мама, прости! – прикрикнул он.

– Ты сначала к участковому пойдёшь, понял! Байки ему попоёшь! У тебя хорошо получается. – Михаил не сменял позу, стоя прямо перед лицом Александра с готовностью разорвать его глазами.

– Не ори. Всё. Всё я сажусь. Слушаю... слушаюсь. Да налей ты мне! – попросил опять Саша.

– Тихо!

– Где машина?

– Машина! На свалке твоя машина! Да лучше б мне отдал...

– Ничего, новую возьму. И жену тоже. Новую. Не «б...ь»! – сказал Александр и покосился на брата.

– Ты чего с ней сделал? Где Маринка? – встревожился Михаил.

– Ничего не сделал. Она у матери. Пару раз дал ей, но она... не видно, короче. Я их поймал вчера. Застал тварей! Ещё до встречи с тобой. Домой приехал, а они дома у меня... Днём! У меня дома! Чё ей не хватает? Всё есть. Стерва! Шалава! – ещё пьяный Александр надрывно выдохнул и в глаза должны были выброситься слёзы, но он лишь протяжно вздохнул. – Обидно... А как голова раскалывается! А-а!

– Не ори! тише, говорю! Идём на улицу. – стараясь не шуметь, они вышли.

– Довези меня до дома, Миш. – попросился после недолгого разговора Саша.

Приехав к нему, Михаил осмотрел всё, огород, цветники. Саша разлёгся на лавке прямо во дворе.

– В дом иди! Не позорься, чтоб тебя не видели! Закройся лучше, я к вечеру подъеду. И это... что у тебя с огородом? Зарос весь. Нигде порядка нет...

– А вот хозяева такие! – отвечал, не поднимаясь Саша, вытянув вверх руку и водя указательным пальцем, словно продолжал кого-то наказывать.

– Я к тебе девчонку одну отправлю. Пусть поработает. Заплати, не жадничай. Или по хозяйству пока там... сварить, убрать. Ты с женой то...

– Ни но-гой. Шмотки я ещё вчера отвез к её матери. Появится – убью. Отправляй кого хочешь. Я посплю.

12

Через несколько часов Михаил вернулся в дом Александра. Дверь была не заперта, тот сидел за кухонным столом, разглядывая карты, в которых Миша сразу узнал свои – из конторы. Так или иначе, но разговор опять зашёл за земли. Михаил Викторович не отошёл от ночного инцидента, был раздражён и дёргано реагировал на любые слова младшего брата. Используя потребовавшуюся обоим паузу, Александр продолжил:

– А что с паями?

– Не лезь! – возмутился Михаил.

Александр покружился около стола и вернулся к карте.

– ...А не колхозной землей. Пусть она остаётся, ей скоро найдётся хозяин, как и паям, которые так защищаешь, не пойму зачем, а вот – этой. Этой и этой, – Саня тыкал пальцем в карту.

– Это же учхозовская земля.

– Много земли, Миша! Мы не тронем другую, успокойся. Возьмём училищную.

– Да ты как её собрался взять?

Немного помолчав, настраиваясь, видимо на реакцию брата, Саша ответил: «Нужно его развалить».

– Ты в своём уме!?! Саня, ты чего говоришь такое? – Михаил аж присел. – Как развалить?! – почти шёпотом спросил он, застыв в недоумённой гримасе и сглотнув сухой глоток.

– Постепенно. Сначала сады, потом элеваторную, пруды... а там – посевные, сенокосные. – Саша показывал на карте и спокойным голосом продолжал: – Сейчас всё везде разваливается. Никто ничего не поймёт. Общая приватизация, «понимаешь!». – подлил он набравшей известность интонацией и взглянул на брата. Тот смотрел ему прямо в глаза, не говоря ни слова. На несколько мгновений в комнате успела случиться тишина. Выправившись во весь рост, Александр продолжил: – Всё, не тянет больше ПТУ! Постепенно... – закончил Саша и, поставив натянутую улыбку, смотрел на потерявшего речь. Брат закрыл руками лицо. Посидев так немного, он отбросил руки на стол и с шумом выдохнул.

– Так земля хотя бы у нас останется! Мы с тобой тоже местные, свои. У своих будет. И у людей будет. Соблюдём следом традиции кооперации, так сказать. Коллективизации, если хочешь... У себя, у своих, понимаешь? – добавил после паузы Александр. – И паи обезопасить надо. – но здесь же перестал, боясь гнева неготового брата.

Миша долго смотрел на Сашу, закусив губу, всё также не произнося ни слова. Александр понимал, что его слова доставлены куда следует, но длительное молчание Михаила начало его изводить. Он покрутил на столе конфету в импортной обёртке и произнёс, как бы невзначай, продолжая мысль: «Вот видишь какие конфеты. Это хорошо, что они есть, выбор стал большой... Но эти конфеты делают не у нас. Мы поддерживаем «их», – Александр указывал пальцем в сторону, – а свою фабрику будем сужать или вообще закроем когда-нибудь. Как соперничать в нынешних условиях? Подумай, что дальше! Одежда, машины, телики... А земля? Кто и как на ней работать будет, если повезут всё «оттуда»? Никому ни хрена не

надо!.. – Александр, захлёбывался от негодования, – Земля и всё, что в ней и на ней – наш последний может козырь!». Саша смотрел на брата округлившимися глазами, в упор, стирая с рук мурашки. Успокаиваясь, он заходил по кухне.

Михаил вздохнул:

– Оправдание ищешь?

– Тебе подбираю! – злился на брата Саша, ожидая, что тот, наконец, выскажет что ему хотелось.

– Я тебе уже сказал. Я в этом не участвую. Всё! – выпихнул из себя Михаил, опустив голову и внезапно почувствовав усталость.

Александр съезжился и как пружина, готовая выстрелить, насторожился в нетерпении снова наброситься на брата. В прихожей засвистел звонок. Саша пошёл открывать дверь. На пороге стояла Катя. В этот же момент к дому Александра подъехала белая «Нива». Михаил Викторович, собрав свои карты, вышел из дома и поспешил в свой УАЗик.

– Какая популярность! – сказал Саша с клоунской восторженностью в адрес участкового.

– Здравсти! Мне сказали... – начала неуверенно Катя, стоя перед Александром Викторовичем.

– Да-да. Вон там тяпки, ведра... что ещё нужно? – показывал в сторону Александр, одновременно глядя на Дмитрия Николаевича, вылезавшего из автомобиля.

– А сколько платить будете? – поинтересовалась Катя.

– Ваучерами берёшь?

– Чего?

– Ничего, договоримся. Начинай откуда хочешь. Я попозже подойду. Собак нет.

Дмитрий Николаевич подал Александру руку, поднимаясь на крыльцо и глядя на Катю, выбирающую под навесом тяпку. На нём были зеркальные солнечные очки, из-под которых выглядывал припухший свежий синячок.

– Здравствуйте, Александр Викторович! Чего ж вы не пришли? Михаил Викторович заверил обещанием: зайдёте с утра.

– Здравова! Чаю? Чего покрепче? – отвечал Александр, стоя на крыльце.

– Нет. На службе. Но присесть бы где.

– Нынче все хотят присесть – где-нить поудачней. Не заметили? – отвечал игриво Саша, деланной любезностью пропуская Дмитрия Николаевича в дом. – Простите, у меня не прибрано, продолжал он в том же духе и закрыл за собой дверь.

Некоторое время они сидели молча. Дмитрий Николаевич разглядывал дом, стараясь заглянуть как можно дальше. Александр повозился с чайником, поставил перед гостем чашку и пододвинул вазочку со сладостями.

– Как же вас так угораздило? – спросил, опомнившись от непривычной вежливости, молодой участковый.

– А вас как? – ответил Саша, кивая на свежий синяк и предлагая жестами на выбор чай или кофе.

– Ударился.

– Вчера? Не ночью ли? За деревней, например... Надо быть поосторожнее! Ай-ай-ай... – он готов был протянуться, чтобы поднять очки – так захотелось освидетельствовать сунувшего не туда нос. Пододвинув наполненную чашечку, Саша продолжал коситься на гостя. Тот размешивал ложечкой чай и затыгивал с вопросами. Участковый уже собирался сделать глоток, но остановился и поднял на Александра голову:

– Где вы бы... – начал Дмитрий Николаевич, скомкивая недоразумение затянувшейся ситуации.

– Я ж заявление хотел написать! Бумаги не нашёл. У вас есть бумага? – быстро перебил Саша.

- Какое заявление? – удивился участковый.
- Заявление о поджоге машины.
- О поджоге?
- Да. Вы представляете, Дмитрий Николаевич, оставил вчера рядом с домом брата и такое вот дело! Паскуды! Что творят! Это зависть просто! А знаете, сколько она стоит, Дмитрий Николаевич! – нарочито подчеркивал обращение хозяин.
- А как, кстати, она у вас появилась? – спросил участковый, оставаясь ещё слегка ошарашенным поведением Александра.
- Да вопрос весь не в том «как», а что это натуральная порча частного имущества!
- И всё-таки?
- Я думаю, что это Мыковы. Знаете Толяна, ну этот ненормальный-криминальный, с ними постоянно ходит?
- Да нет, это не они.
- А вы пейте чай, Дмитрий Николаевич! И откуда у вас такая уверенность, что это не Толян? Он за бутылку мать родную зарежет.
- Чай у вас холодный, а я горячий люблю, Александр Викторович.
- А я разогрею сейчас! Хотите?
- Не надо, мне знаете, как-то хватило сегодня... Александр Викторович. – участковый уловил манеру Александра и принялся поиграть.
- Да вы не спали что ли?
- Не удалось как-то, вам должно быть известно по какой такой причине!
- И всё-таки надо бы навестить Мыковых. Следы проверить на месте происшествия...
- Место происшествия уже засыпано шлаком. Машина или то, что от неё осталось, на свалке. И это вам тоже должно быть известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.